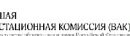

Громыко С. А. Гастрономическая метафора в русском дореволюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 25—37. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37.

Gromyko, S. A. (2020). Gastronomic Metaphor in the Russian Pre-Revolutionary Parliamentary Discourse (based on Speeches by Right-Wing Deputies). *Nauchnyi dialog*, 5: 25-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37. (In Russ.).

УДК 808.53+811.161.1'373.612.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ПРАВЫХ ДЕПУТАТОВ)¹

© Громыко Сергей Александрович (2020), orcid.org/0000-0002-4256-9815, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия), ling2007@yandex.ru.

В статье изложены результаты исследования семантики и функционирования гастрономической метафоры в русском парламентском дискурсе. На материале парламентской дискуссии начала XX века устанавливаются особенности функционирования метафор, в основе которых лежит ассоциативное сходство между политической деятельностью и едой, процессом поедания. Автор подробно останавливается на использовании депутатами-националистами гастрономических метафор в ходе дискуссий, разворачивающихся на заседаниях Государственной думы. Представлены результаты классификации выявленных на указанном материале метафор, принадлежащих сфере «Еда». Установлено, что их можно разделить на три группы по образной составляющей: метафоры с буквальным значением поглощения или съедания кого-, чего-либо, метафоры со значением качества потребляемой пищи, метафоры со значением процесса пищеварения. Сделан вывод о том, что в семантическом аспекте гастрономическая метафора в русском парламентском дискурсе выражает стойкую негативную оценочность, так как она связана с семантикой уничтожения, разрушения, обмана (*дать камень вместо хлеба*), аномальных физиологических явлений (голода, переедания, несварения желудка). Подчеркивается, что в функциональном аспекте негативная оценочность гастрономической метафоры позволяла использовать ее в парламентском дискурсе как средство политической борьбы с целью понижения политического капитала оппонентов.

Ключевые слова: риторика; парламентский дискурс; метафора; политическая коммуникация; прагматика дискурса.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

1. Введение в проблему

Метафора в политическом дискурсе — явление широко изученное [Баранов и др., 1991; Будаев, 2011; Лакофф и др., 2004; Лассан, 1995; Ряпосова, 2001; Чудинов, 2006 и др.]. «В современном политическом дискурсе наблюдается высокая частотность метафор, это объясняется тем, что метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов, 2006, с. 122]. В то же время лингвокогнитивные исследования политической коммуникации становятся все более актуальными по причине усложнения самой политической системы. Появляются новые подходы и аспекты изучения: исследование метафорических моделей, сопоставительный анализ политических метафор разных языков, метафорическое представление концептуальной оппозиции «свое — чужое», когнитивная репрезентация отдельного политического события (брекзит, крымские события) и т. п. Одна из основных функций политической метафоры — прагматическая [Там же, с. 127—129] — вызывает большой интерес в процессе изучения публичных политических высказываний, так как демонстрирует сложность и многообразие отношений между политиком, сторонниками, оппонентами и нейтральной аудиторией.

Гастрономическая метафора в структурном, семантическом и стилистическом аспектах исследована в работах А. С. Бойчук. Под гастрометафорами понимаются образные определения, построенные на переносе значения по сходству со значениями слов, имеющих отношение к сфере «Гастрономия». Установлено, что «гастрометафоры представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся групп метафор русского языка, что обусловлено комплексом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов» [Бойчук, 2012, с. 5]. Гастрометафоры антропоцентричны, физиологичны, предметны, связаны с физическим миром, эмоционально-экспрессивны. Отдельно подчеркивается, что этому типу метафор присуща множественность отрицательных коннотаций [Там же]. Все эти характеристики способствуют широкому распространению гастрономических метафор в политическом дискурсе. Данный тип метафор реализует большое количество разнообразных значений, наиболее востребованными из которых в парламентской коммуникации являются те, которые относятся к блоку агональной семантики. Публичная политическая конкуренция, которая подразумевает борьбу за власть, применение агональных коммуникативных стратегий, выстраивание образа врага, предусматривает актуализацию в первую очередь таких смыслов гастрометафоры, как уничтожение и подчинение.

Русская парламентская речь — явление, изученное в гораздо меньшей степени, хотя и представляет собой совершенно особый страт политического дискурса, отличительной чертой которого является диалогичность, непосредственность коммуникации и агональность [Громыко, 2010; Граудина, 1994]. В парламентском дискурсе актуализируются две важнейшие функции метафоры: экспрессивная и маркерная. При помощи метафоры депутат дает оценку предмету речи либо агентам дискурса и одновременно идеологически маркирует предмет речи. Так, метафора *волки империализма*, вероятнее всего, будет использована в речи, произнесенной с парламентской трибуны представителем коммунистической или социалистической идеологии, для других депутатов она будет актуальна лишь в ироническом ключе.

Метафора в русской парламентской коммуникации вообще и в историческом парламентском дискурсе, в частности, долгое время не была исследована. В этом плане качественно новым шагом необходимо считать диссертацию Е. П. Дулесова «Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX века)» [Дулесов, 2019]. В данной работе на достаточно репрезентативном материале стенограмм заседаний Государственной думы Российской империи определены особенности метафорического моделирования в историческом парламентском дискурсе, а также выявлена когнитивная и прагматическая специфика метафор в данном типе коммуникации. В диссертации большое внимание уделено метафорам в выступлениях правых членов Государственной думы. В то же время метафорические модели конструировались на материале выступлений представителей всех политических сил, в том числе левых и кадетов, поэтому, например, детально описанный фрейм «Физиологические действия» и входящий в него слот «Питание, пищеварение и смежные процессы» не получили освещения в применении к материалу речей русских националистов в Думе как имеющему свою специфику. Е. П. Дулесов указывает, что данный слот «характеризуется концептуальным вектором жестокости, агрессивности и используется прежде всего для указания на непомерные и незаконные желания политического противника» [Дулесов, 2019, с. 72]. В нашей статье сделан акцент на использовании данной сферы-источника в первую очередь в речи депутатов-черносотенцев и осуществлено более детальное моделирование гастрономической метафоры, что позволило выделить несколько новых значимых фреймов и уточнить функции этого средства выразительности.

Экстремистский дискурс и экстремистский текст в последние несколько лет стали объектами интенсивного изучения. Анализу подвергаются тексты

экстремистских религиозных организаций [Балукова и др., 2013], образы, используемые с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов и др., 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова, 2014], информационно-психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева, 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикова и др., 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст ..., 2014]. Такое внимание к различным аспектам речи националистов и экстремистов связано в первую очередь с расширением в современном мире сферы распространения их речевой практики и безусловно негативным влиянием произведений радикального содержания как на общество, так и на личность с позиции современной аксиологии.

В данной статье рассматриваются особенности функционирования гастрономической метафоры в русском парламентском дискурсе. Источником для исследования послужили стенограммы заседаний Государственной думы Российской империи Третьего и Четвертого созывов, хронологически 1911—1914 годы. В результате сплошной выборки было выявлено 68 примеров использования гастрономической метафоры. Дистрибуция данных случаев по политическим воззрениям авторов текстов показала, что практически две трети от общего количества введения метафор приходится на представителей правых и националистических фракций в Думе. Чаще всего гастрономическую метафору использовали в своих выступлениях с трибуны Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский, В. М. Пуришкевич, С. В. Левашов. Намного реже данный вид тропов использовался в устных публичных выступлениях кадетами и представителями левых фракций. Основной целью исследования было установление прагматических особенностей функционирования гастрономической метафоры. Для этого анализу подвергался контекст употребления данного образного средства, тема высказывания, его жанр, выраженность агонального компонента (задействованность метафоры в речевой агрессии), фактор адресата и реакция на выступление депутата. На этом основании делался вывод об экспрессивном и прагматическом потенциале метафоры.

В качестве основного применялся метод метафорического моделирования, теория и практика которого разработана в трудах Лакоффа и Джонсона [Лакофф и др., 2004] и развита в работах А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов и др., 1991], И. М. Кобозевой [Кобозева, 2001], А. П. Чудинова [Чудинов, 2006] и др. Ниже рассмотрим группы метафор, в основе которых лежит ассоциативное сходство между политической деятельно-

стью и едой, процессом поедания. Материал извлечен из текстов, принадлежащих русскому дореволюционному парламентскому дискурсу.

2. Метафоры со значением уничтожения путем поглощения или съедания

Метафорическое съедание, поглощение, проглатывание агента политической коммуникации — самый частотный вариант гастрометафоры в русском парламентском дискурсе начала XX века. Поглощение в анализируемых метафорах представляется как процесс целенаправленного агрессивного физического или духовного разрушения объекта (государства, народа, граждан) неким могущественным субъектом. Такие метафоры были нейтральными, немаркированными в идеологическом плане, поэтому использовались в выступлениях с трибуны представителями разных политических сил. Наиболее распространенное средство вербализации — глагол *поглотить* в значении ‘пожирать’. Прозопопеей как основа данной метафоры позволяет четко выделить субъект и объект в этой модели.

Кто и кого метафорически проглатывал или съедал в думских речах? Прежде всего, эксплуатировался образ «внешние стихийные силы, проглатывающие страну и народ». Субъектом здесь чаще всего являлись не конкретные политические оппоненты, а обстоятельства или социальные силы в образе природных стихий, опасных своей мощью и неподвластностью человеческой воле: *темные силы, тьма, беззаконие, стихия*. Анализ избранного текстового массива показывает, что начиная с 1913 года субъектом метафорического проглатывания становится *война*, а затем и более конкретный противник — *Германия*, при этом используются и другие наименования страны — перифраз, эвфемия: *Лева шёв: В грозный час ужасов мировой борьбы, когда лютый враг стоит возле самых наших ворот, когда судьбы России и Европы, а может быть даже целого света, висят на волоске перед грозящей поглотить их ненасытной тевтонской бездной, фракция правых подтверждает те же взгляды, которые впервые были высказаны здесь уже почти два года тому назад* [ГД, 1916а, стлб. 1259]. В выступлениях националистов и их оппонентов постоянно в качестве агрессора упоминаются евреи: *Гулькин: Я вам говорю, что всё, что говорил депутат Марков по данному законопроекту и депутат Тимошкин, что жида проглотят русских, это есть клевета на русский народ, клевета на великую русскую нацию ... И эту нацию проглотит кучка угнетенных и обиженных евреев* [ГД, 1912, стлб. 1333].

Основных объектов метафорического съедания два — *Россия (русский народ)* и *мы*. Если первый объект не требует комментария, то на объекте

мы необходимо остановиться подробнее. Во фразах типа *беззаконие поглотило нас* местоимение первого лица множественного числа следует понимать как ‘граждане Российской империи, общественность’. В других высказываниях, типа *нас окончательно поглотят эти цифры, если мы будем обсуждать смету по пунктам*, местоимение *мы* используется в качестве обозначения депутатов Государственной думы. Примечательно, что в исследуемом материале ни разу не встретилась метафора обратной структуры: высказываний типа *мы поглотим, Россия поглотила* в публичных речах депутатов нет. Таким образом, можно сделать вывод, что данный тип метафор использовался для обозначения ущерба от какого-либо явления (революции, социализма, экономической отсталости, бюрократии, войны) либо от внешнеполитического врага.

Отдельного комментария требуют метафоры уничтожения путем поедания себе подобных, которые несколько раз встречаются в исследуемом материале. Они обладают ярко выраженной экспрессивностью, негативной оценочностью, а также в ряде контекстов имеют признаки гиперболы. Чаще всего авторами такой метафоры становились депутаты-националисты, причем лидеры фракции и наиболее яркие ораторы. Агрессия правых радикалов по отношению к евреям всячески подчеркивалась как самими националистами, так и их политическими оппонентами, что стало серьезным затруднением для парламентской деятельности черносотенцев. В Третьей Думе в их адрес звучали систематические обвинения в агрессивном антисемитизме. Чтобы уменьшить интенсивность этих обвинений, правые были вынуждены иронизировать над точкой зрения, что за любой их политической инициативой стоит желание навредить евреям. Средством такой иронии стала метафора каннибализма. Так, Н. Е. Марков использовал этот тип метафоры для осмеяния представлений левых и центристов о политических взглядах черносотенцев: *Вы, конечно, можете думать, что я каждый завтрак закусываю по еврею, а за обедом ем по жидове. Это ваше дело, но я хочу остеречь вас от ослепления, от теоретического увлечения* [ГД, 1916а, стлб. 1439—1457].

3. Метафоры со значением потребляемой пищи

В рассматриваемых далее примерах важна сама еда, а не способы ее употребления, так как она обладает определенной социальной и идеологической маркированностью, зачастую обозначенной самим говорящим. Анализ этой группы метафор показал, что для русского парламентского дискурса характерна бинарность пищевых образов: еды «простой» и излишней, богатой, а также религиозной и светской.

Частотной метафорой со значением пищи в выступлениях депутатов была метафора хлеба. В метафорическом представлении хлеб неразрывно связан с христианской культурой. В речах правых и националистов регулярно реализуется евангельский мотив камня вместо хлеба («Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» [Евангелие, 2006]). *Марков: Есть изречение: «просящему хлеба подали камень». Вы поступаете согласно этому изречению: от вас просят хлеба, а вы указываете на каменного истукана, имя же ему «свобода». Истукан хлеба не даст, это ложный бог. Русский простой человек знает, что для того чтобы быть свободным, надо быть сильным, надо быть богатым, а бедняку от свобод будет ни холодно, ни жарко* [ГД, 1914, стлб. 227]. Христианский образ камня вместо хлеба использовался с несколькими целями. С одной стороны, метафора хлеба именно как средства пропитания и обеспечения жизни встраивалась в систему позиционирования националистами себя как политиков, знающих потребности бедных слоев, понимающих их систему ценностей. Националисты часто в своих высказываниях в качестве заслуг упоминали законопроекты о субсидировании небольших сумм для граждан, находящихся в бедственном положении. *Марков: В то время как правые подают беднейшим домовладельцам городских поселений небольшой кусок хлеба, вы бросаете одни камни, но хотя бы вы набросали этих камней горы, эти горы не накормят тех, кто хочет есть* [Там же, стлб. 1606]. С другой стороны, черносотенцы активно эксплуатировали библейские метафоры, образы и символы как маркер консервативной политической идеологии, опирающейся на государство и религию. Кроме того, в материале также обнаруживается крылатая фраза из сатиры Ювенала: *Хлеба и зрелищ*. Фиксируются случаи ее трансформации путем развертывания или расчленения типа: *Зрелищами наше правительство обеспечило народ довольно, только вот про хлеб забыло* [Там же, стлб. 298].

Метафоре хлеба противопоставляется метафора изысканной пищи. Излишества в еде имели ярко выраженную отрицательную оценочность в парламентском дискурсе начала XX века. Специфическая экспрессивность реализовывалась независимо от идеологических убеждений ораторов: не только социалисты и трудовики, но и дворяне-консерваторы, черносотенцы использовали эту метафору в ироничном ключе по отношению к политическим оппонентам. По-видимому, эта особенность связана с функционированием единиц именно в парламентской коммуникации, для агентов которой было крайне важно подчеркивать свою связь с «простым народом». В данном случае мы имеем дело с влиянием на дискурс социальных противоречий начала XX века.

Интересны образы, репрезентирующие в речах депутатов изысканную пищу: *шампанское, рябчики, соус, балык, севрюжина*. Напомним, что исследованный материал относится к 1913—1914 годам, следовательно, на дискурс не могли оказать влияние сверхпопулярные, но созданные позднее поэтические образы Игоря Северянина («Увертюра», 1915) и В. В. Маяковского («Ешь ананасы, рябчиков жуй ...», 1917). Парламентарии тонко чувствовали и концентрированно выражали образы массового сознания предреволюционной России.

В функционально-семантическом аспекте эти метафоры, вводящие мотив обмана, имели инвективный потенциал. Такими средствами реализовывались взаимные обвинения депутатов в двуличии. Левые и центристы обвиняли правых в образном предпочтении изысканной пищи как признаке материального достатка и, следовательно, оторванности от народа. Правые утверждали то же в отношении своих оппонентов, а также обвиняли социалистов, трудовиков и кадетов в маскировке истинных намерений через образы сдабривания несъедобной пищи соусами. *Марков*: ... *Задавшись целью представить нашему вниманию отстаивание интересов узкого класса крупных домовладельцев столичных и больших университетских городов, нам подали это под соусом демократическим, под соусом свободомыслия, под соусом отстаивания прав народного представительства, под соусами всевозможными, которые скрывают истинную сущность блюда. Эта цель всякого соуса — подать подошву, а назвать ее рябчиком, благодаря хорошему соусу ... Подавайте, господа, ваше блюдо в неприкрашенном виде* [ГД, 1914, стлб. 1610]. Или, например, у того же оратора: *Господа, будьте более серьезны, если хотите действительно творить революцию, то делайте ваше дело без шампанского, без этих балыков и речей за севрюжиной ...* [Там же, стлб. 239].

4. Метафоры со значением процесса пищеварения

Метафоры переваривания пищи в парламентском дискурсе в основном связаны с нездоровыми проявлениями этого процесса, в первую очередь — с чрезмерным аппетитом, прожорливостью, обжорством.

Агенты дискурса постоянно указывали на *непомерные аппетиты, нездоровый аппетит* своих политических конкурентов и идеологических противников. С думской трибуны часто звучали призывы *умерить свои аппетиты* и обвинения в *ненасытности*. Например: *Если я говорю о том, что рабочих в России только два миллиона, то это для того, чтобы указать на масштаб их аппетитов, что в государстве, где имеется сто семьдесят пять миллионов жителей, группа, почтенная группа в два миллио-*

на, не вправе считать себя единственной народною массою ..., которая вправе рассчитывать на все внимание государства [Там же, стлб. 1520].

С этой группой метафор связаны метафоры *несварения желудка* вследствие непомерных appetitов. Адресатом подобных высказываний чаще всего были политические оппоненты. В иных случаях образ указывал на чью-либо (например, всей Думы) политическую несостоятельность, недееспособность. *Марков: Проект этот, как правильно выразился уважаемый Ф. Ф. Тимошкин, подан нам среди горы остывшей вермишели, но сам по себе законопроект с пылу — горячее блюдо масонской кухни. Надеялись, что мы, страдая несварением законодательного желудка, и проглотим его, не заметив* [ГД, 1912, стлб. 1298].

5. Выводы

Гастрономическая метафора в русском парламентском дискурсе начала XX века была явлением распространенным и важным с точки зрения прагматики публичного выступления. При помощи этой метафоры депутаты описывали отношения между агентами парламентского дискурса, между Думой и правительством, народом и властью, Россией и другими странами. Отмеченные особенности функционирования метафор, в основе которых лежит ассоциативное сходство между политической деятельностью и едой, процессом поедания, отражает высокий уровень агональности русского парламентского дискурса начала XX века и важную роль в нем речевой агрессии. В большинстве случаев гастрономическая метафора использовалась в речах депутатов как средство политической борьбы с целью понижения политического капитала оппонентов.

Депутаты-черносотенцы активно вводили в тексты гастрономическую метафору в этой же функции. Однако именно в их выступлениях гастрономическая метафора отличается богатством образных средств и развернутостью. Так, например, метафоры со значением потребляемой пищи, с бинарной оппозицией еды простой и «излишней», с христианским культурным контекстом конструируются практически только в речах правых. С одной стороны, это объясняется яркостью и харизматичностью лидера правых в Думе Н. Е. Маркова, человека незаурядного ума, образования и ораторского таланта. Метафоризация была одним из любимых риторических приемов Н. Е. Маркова, а влияние его ораторского этоса не только на однопартийцев, но и на оппонентов, судя по частотности отсылок к его речам во время прений, не вызывает сомнений. С другой стороны, гастрономическая метафора, как и ирония, помогала националистам институционализировать свое агрессивное речевое поведение, ввести его в цивили-

зованное парламентское русло. Выстраивание образа врага с его непомерными «аппетитами», угрозами «поглотить» Россию, съесть себе подобных, с пищевыми излишествами было одной из ключевых коммуникативных стратегий черносотенцев в Государственной думе Российской империи.

Источники и принятые сокращения

1. ГД, 1912 — *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. 4. — Санкт-Петербург, 1912. — 4336 стлб.
2. ГД, 1914 — *Государственная дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1914. — 2094 стлб.
3. ГД, 1916 — *Государственная дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. — Петроград : Государственная типография, 1916. — Стлб. 1205—3502.
4. ГД, 1916а — *Государственная дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. 2. — Петроград : Государственная типография, 1916. — 3820 стлб.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторики / А. А. Тахо-Годи. — Москва : Изд-во Московского университета, 1978. — С. 15—166.
2. *Бабилова М. Р.* Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 160—164.
3. *Балукова Н. А.* Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство «Юсмалос» / Н. А. Балукова, Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 199—208.
4. *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка АН СССР, 1991. — 193 с.
5. *Бойчук А. С.* Гастрономическая метафора : структурный, семантический, стилистический аспекты : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. С. Бойчук. — Волгоград, 2012. — 18 с.
6. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. — 330 с.
7. *Ворошилова М. Б.* Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 242—245.
8. *Граудина Л. К.* Функционально-смысловые типы парламентской речи / Л. К. Граудина // Культура парламентской речи. — Москва : Наука, 1994. — С. 23—34.
9. *Громыко С. А.* Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года : монография / С. А. Громыко. — Вологда : ВГПУ, 2010. — 216 с.
10. *Громыко С. А.* Черносотенные листовки и воззвания начала XX века : риторико-прагматический аспект / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 64—69.
11. *Дулесов Е. П.* Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX века) : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. П. Дулесов. — Ижевск, 2019. — 208 с.

12. *Евангелие*. Синодальный перевод. — Москва : [б. и.], 2006. — 285 с.
13. Злоказов К. В. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» / К. В. Злоказов, А. Ю. Софронова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 247—253.
14. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2001. — № 6. — С. 134—135.
15. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едитотриал УРСС, 2004. — 256 с.
16. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР : когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. — Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 1995. — 232 с.
17. Ряпосова А. Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе / А. Б. Ряпосова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 6. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — Т. 6. — С. 29—36.
18. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма / Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 165—170.
19. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2002. — 313 с.
20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта. Наука, 2006. — 256 с.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с.
22. *Экстремистский текст и деструктивная личность : монография* / Ю. А. Антонова и др. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. — 271 с.
23. Dijk T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse / A. v T. Dijk — The Hague ; New York : Mouton, 1981. — 285 p.
24. Perelman C. The new rhetoric : A treatise on argumentation / C. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. — 340 p.

GASTRONOMIC METAPHOR IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PARLIAMENTARY DISCOURSE (BASED ON SPEECHES BY RIGHT-WING DEPUTIES)¹

© Sergey A. Gromyko (2020), orcid.org/0000-0002-4256-9815, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Journalism and Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia), ling2007@yandex.ru.

---

¹ This study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 20-012-00111 “Russian Nationalism in the Linguistic-Legal Aspect: Pragmatics, Dynamics, Expertise».

The results of a study of the semantics and functioning of the gastronomic metaphor in the Russian parliamentary discourse are presented in the article. Based on the material of the parliamentary discussion of the early twentieth century, the features of the functioning of metaphors, which are based on the associative similarity between political activity and food, the eating process are established. The author dwells in detail on the use of gastronomic metaphors by nationalist deputies in the course of discussions unfolding at meetings of the State Duma. The results of the classification of metaphors identified on the indicated material belonging to the "Food" sphere are presented. It was established that they can be divided into three groups according to the figurative component: metaphors with the literal meaning of absorbing or eating something, metaphors with the value of the quality of food consumed, metaphors with the value of the digestion process. It is concluded that in the semantic aspect, the gastronomic metaphor in the Russian parliamentary discourse expresses a persistent negative assessment, since it is associated with the semantics of extermination, destruction, deception (*to give a stone instead of bread*), abnormal physiological phenomena (hunger, overeating, indigestion). It is emphasized that in the functional aspect, the negative appraisal of the gastronomic metaphor made it possible to use it in parliamentary discourse as a means of political struggle with the aim of lowering the political assets of opponents.

Key words: rhetoric; parliamentary discourse; metaphor; political communication; pragmatics of discourse.

MATERIAL RESOURCES

- GD, 1912 — *Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenograficheskiye otchety*, 5 (4). (1912). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- GD, 1914 — *Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskiye otchety. Sessiya vtoraya*, 1. (1914). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD, 1916 — *Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskiye otchety*, 4. (1916). Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya. 1205—3502. (In Russ.).
- GD, 1916a — *Gosudarstvennaya дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskiye otchety. Sessiya chetvertaya*, 2. (1916). Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).

REFERENCES

- Antonova, Yu. A. [i dr] (ed.) (2014). *Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost': monografiya*. Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet (In Russ.).
- Babikova, M. R., Voroshilova, M. B. (2015). Allogennyye zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 160—164. (In Russ.).
- Balukova, N. A., Vesnina, L. E. (2013). Kommunikativnyye strategii i taktiki v tekstakh religioznoy organizatsii «Velikoye Beloye Bratstvo «Yusmalos». *Politicheskaya lingvistika*, 3 (45): 199—208. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). *Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu*. Moskva: Institut russkogo yazyka AN SSSR. (In Russ.).
- Boychuk, A. S. (2012). *Gastronomicheskaya metafora: strukturnyy, semanticheskiy, stilisticheskiy aspekty: avtoreferat dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Volgograd. (In Russ.).
- Budayev, E. V. (2011). *Sopostavitelnaya politicheskaya metaforologiya*. Nizhniy Tagil: NTG-SPA. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta. Nauka. (In Russ.).

- Dijk, T. A. v. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague; New York: Mouton.
- Dulesov, E. P. (2019). *Metafora v parlamentskom diskurse (na materiale rechey rossiyskikh deputatov nachala XX veka): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Izhevsk. (In Russ.).
- Evangeliiye. *Sinodalnyy perevod*. (2006). Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- Graudina, L. K. (1994). Funktsionalno-smyslovyye tipy parlamentskoy rechi. In: *Kultura parlamentskoy rechi*. Moskva: Nauka. 23—34. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2010). *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda: monografiya*. Vologda: VGPU. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2017). Chernosotennyye listovki i vozzvaniya nachala XX veka: ritoriko-pragmaticheskiy aspekt. *Politicheskaya lingvistika*, 6 (66): 64—69. (In Russ.).
- Khazagerov, G. G. (2002). *Politicheskaya ritorika*. Moskva: Nikkolo-Media. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2001). Semanticheskiye problemy analiza politicheskoy metafory. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 9 (Filologiya, 6): 134—135. (In Russ.).
- Lakoff Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivym*. Moskva: Editotrial URSS. (In Russ.).
- Lassan, E. (1995). *Diskurs vlasti i inakomysliya v SSSR: kognitivno-ritoricheskiy analiz*. Vilnyus: Izdatelstvo Vilnyusskogo universiteta. (In Russ.).
- Perelman, C., Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Ryaposova, A. B. (2001). Militarnaya metafora v sovremennom agitatsionno-politicheskom diskurse. In: *Lingvistika. Byulleten' Uralskogo lingvisticheskogo obshchestva*, 6: Ekaterinburg: [b. i.]. 29—36. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Tagiltseva, Yu. R. (2015). «V tu noch', kogda rozhдали' volki», ili «poeziya» informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 165—170. (In Russ.).
- Takho-Godi, A. A. (ed.) (1978). Aristotel'. Ritorika. In: *Antichnye ritoriki*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 15—166. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2014). Kognitivnyy arsenal i kommunikativnyye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (49): 242—245. (In Russ.).
- Zlokazov, K. V., Sofronova, A. Yu. (2015). Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoye gosudarstvo». *Politicheskaya lingvistika*, 2 (52): 247—253. (In Russ.).